

Е. А. Мелех

ОБРАЗ БЕРЛИНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ ФРИДРИХСХАГЕНСКОГО КРУГА

Статья посвящена анализу образа Берлина в лирике поэтов периода раннего модерна (Frühe Moderne) и поэтов Фридрихсхагенского круга. Выявляются общие и отличительные черты изображения Берлина в стихотворениях «Auf der Fahrt nach Berlin» Ю. Гарта, «Entzauberung» Б. Вилле, «Predigt an die Großstadt» Р. Демеля, «Berliner Abendbild» К. Хенкеля, «Ihr Dach stieß fast bis an die Sterne» А. Хольца. Для творчества поэтов Фридрихсхагенского круга характерен переход от восторженного изображения мегаполиса к более критичному его осмыслению, а также особый отдаленный взгляд, обусловленный их «побегом» из городской среды.

На рубеже XIX–XX веков, между двумя большими эпохами – реализмом и модернизмом – можно выделить деятельность Фридрихсхагенского круга поэтов. Представители немецкого натурализма в Берлине, также называемые «самыми молодыми», в конце 1880-х годов начали ощущать творческий кризис и «усталость от большого города» [1, S. 180]. Натуралистское восхищение мегаполисом сменяется чувством неудовлетворенности жизнью в перенаселенной среде, а единственным мыслимым выходом из сложившейся ситуации кажется смена окружения.

Именно «побег» главных теоретиков литературной оппозиции, какой считали себя в то время натуралисты – Бруно Вилле (Bruno Wille, 1860–1928) и Вильгельм Бёльше (Wilhelm Bölsche, 1861–1939), – в пригород Берлина, Фридрихсхаген на озере Мюгельзее, дал толчок образованию литературно-политического объединения Фридрихсхагенский круг поэтов (*Friedrichshagener Dichterkreis*) и превращению маленького городка в «гнездо» для писателей, политических деятелей, художников и берлинской богемы.

Берлин в конце XIX века представлял собой место, куда стекались люди со всей империи в поисках лучшей жизни; индустриальный центр с повсеместной нищетой и голодом; среду, в которой зародилось социальное «движение рабочих». Высокая концентрация людей в городе, а также прирост численности населения в целом стали причиной неблагоприятных условий жизни большинства горожан [2, S. 8]. В этой связи в культурной сфере нарастали негодование по поводу социального неравенства и в то же время стремление к идейному и формальному обновлению искусства. Художники слова ощущали необходимость соответствовать времени и быть современными писателями (*modern*).

Так, революционер в поэзии и один из самых ярких участников Фридрихсхагенского круга Арно Хольц (Arno Holz, 1863–1929) писал в своей «Книге времени» (1885): *Kein rückwärts schauender Prophet, / geblendet durch unfaßliche Idole, / modern sei der Poet, / modern vom Scheitel bis zur Sohle* ‘Нет оглядывающемуся назад пророку, / ослепленному непостижимыми идолами, / современным будь поэт, / современным от головы до пят’¹ [3, S. 187].

Современные поэты стали находить материал для новой поэзии, условно говоря, в темных заулках города, коммунальных квартирах, мелких лавках и кабаках. Такие темы, как алкоголизм, проституция, условия труда и жизни, не имеющие ранее места в литературе, перестали табуироваться и даже приобрели массовый характер. Возникает новое тематическое направление – лирика большого города (*Großstadtlyrik*), которое часто пересекается с социальной лирикой (*soziale Lyrik*) [4, S. 9]. Ввиду этого Берлин как место действия приобретает особую значимость, к его образу прибегают в своем творчестве многие поэты, такие как А. Хольц («Ein Bild», «Ein Andres», цикл «Berliner Schnitzel»), Ю. Гарт («Auf der Fahrt nach Berlin», «Berlin», «Nebeltag in Berlin»), К. Хенкель («Berliner Abendbild»), Б. Вилле («Entzauberung», «Straße») и др.

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Е. М.

В данной статье будут рассмотрены названные стихотворения с целью поиска типичных и отличительных черт в изображении Берлина поэтами Фридрихсхагенского круга в их раннем творчестве периода раннего модерна и после переезда во Фридрихсхаген.

Показательный и во многом типичный образ Берлина в лирике раннего модерна представлен в стихотворении Юлиуса Гарта (Julius Hart, 1859–1930) «Auf der Fahrt nach Berlin» («По пути в Берлин», 1882). В нем описывается решающая для многих натуралистов, в том числе и для большинства поэтов будущего Фридрихсхагенского круга, поездка в новую столицу империи, привлекавшую творческую молодежь из небольших городов и деревень своим «горизонтом возможностей» [5, S. 16]. Поэт с надеждой смотрит на предстоящую жизнь в большом городе, что выражается возгласами и восклицаниями: *Die Fenster auf! Dort drüben liegt Berlin!* ‘Откройте окна! Там впереди Берлин!’ [5, S. 250]. Подчеркивая свое происхождение из западной части Германии (*Von Westen kam ich...* [5, S. 249]), где все было спокойно и умиротворенно, поэт восторженно передает свои ощущения в реальном времени, находясь в поезде, направляющемся в «дикую жизнь».

В этом стихотворении имеет место эстетизация городского ландшафта. После прибытия на станцию мы видим картину города, на которой изображены дымящие и шипящие поезда, в огне «блестят» фабрики, стоят «узкогрудые дома, узкие и маленькие окна», город «сверкает» (*Es glänzt in allen Mienen!* [5, S. 250]), и нет страха и разочарования, связанных с бессилием перед социальной несправедливостью, которые появятся в более поздних произведениях молодых авторов. Единственное, что приводит в волнение лирического героя, это страх погрязнуть в человеческой массе, пропасть в поисках себя среди бурлящего потока (*Berlin! Berlin! die Menge drängt und wallt, / Wirst du versinken hier in dunklen Massen?* ‘Берлин! Берлин! толпа теснится и бурлит, / утонешь ли ты среди темных масс?’ [5, S. 250]). Четко очерчивается дихотомия жизни и смерти в городской среде: *Zusammen liegt hier Tod und Lebenslust* ‘Здесь рядом смерть и жажда жизни’ [5, S. 252]. В месте, где буйствует такой контраст, поэт задается насущным для молодых поэтов, прибывающих в Берлин, вопросом: *Welch eine Spur willst du in diesen Fluten lassen?* ‘Какой оставить хочешь след среди этих толп?’ [5, S. 250]. Оставляя его без ответа, Гарт намекает на необходимость борьбы за свое место среди людей в новой городской реальности, но делает это с надеждой на позитивный исход. Удалось ли молодым поэтам укорениться в столице, можно догадаться по лирике, которая создана уже после того, как они покинули город.

Начиная с 1890-х годов, после постепенного переезда «самых молодых» во Фридрихсхаген, поэты, видимо, изменили свое отношение к мегаполису, однако не перестали обращаться к образу Берлина. Культурная жизнь все еще бурлила вокруг него, а прямое транспортное сообщение не давало потерять связь с городом [6, S. 244]. Так появляется значительное количество стихотворений, посвященных непосредственно Берлину: фридрихсхагенцы,

отдалившись от суетной жизни в постоянном смоге, во всех смыслах надыхавшись свежим воздухом, начинают осмысливать былую городскую жизнь. У них словно открываются глаза и происходит «снятие чар», как это отчетливо видно в стихотворении Бруно Вилле «Entzauberung» («Разочарование», 1897).

Стихотворение начинается со слов: *Dort drüben liegt sie – riesenbreit erstreckt – / und vielgezackt zum Wolkengrau gereckt – / die steinern fahle Stadt* ‘Там, с той стороны лежит он – развернувшийся вширь – / и вытянувшийся множеством зубцов к серости облаков – / каменный бледный город’ [5, S. 287]. Такое изменение перспективы лирического героя, на наш взгляд, является особенностью лирики поэтов Фридрихсхагенского круга. Город теперь находится «там, на той стороне», поэт отдален от него и делится своими наблюдениями словно со стороны, а не находясь непосредственно в нем, как это было у Гарта.

В «Разочаровании» поэт рисует город не «сверкающим», а покрытым мглой, темным и грязным: *düstern, schmutzigrot, braun* (мрачный, грязный красный, коричневый). Неотъемлемым элементом городского ландшафта, присутствующим во многих произведениях направления, является образ фабрики (*Zwei qualmende Fabriken kauern / ‘Две дымящие фабрики съежились’* [5, S. 288]), из которой у Вилле после сигнала о завершении работы выкатывается «длинный поезд рабочих» (*Ein langer Zug von Arbeitsvolk* [5, S. 288]). Кульминацией произведения становится «волшебное действие» (*O Zaubertat!*), случайным свидетелем которого становится лирический герой: на серый, угрюмый город скатывается «огненный круг», освещая и покрывая его пурпурной дымкой. В таком свете ряды домов с окнами-глазами превращаются в «заколдованные замки» (*Verwunschene Schlösser*) и приобретают голос. Ожившие дома произносят трагичный монолог, речь в котором идет об их печали, связанной с ужасным предназначением мучить бедных людей: *Viele arme Menschen zu foltern, / Mit teuflischen Zangen, mit Dürsten und Fasten, / Mit knechtischen Ketten, unmenschlichen Lasten* ‘мучить многих бедных людей, / дьявольскими клешнями, жаждой и постом, / рабскими цепями, нечеловеческой ношей’ [5, S. 288]. Персонифицированные дома словно сожалеют о том, что стали орудием пытки жителей города, как показательно высказался Г. Цилле: «Квартирой можно убить человека так же легко, как и секирой» («Man kann mit einer Wohnung einen Menschen genausogut töten wie mit einer Axt») [5, S. 35].

Можно представить, что на самом деле голосом домов как его структурных элементов говорит сам город, который не видит этим вынужденным истязаниям людей конца и края: *Fluch und kein Ende!* ‘Проклятье и нет конца!’ [5, с. 289]. И только в вечерних пурпурных лучах солнца появляется надежда на иной исход: по словам домов, в городе должен появиться «сверкающий жених» или «сильный герой», который смог бы их спасти: *Den starken Helden – der kommen soll, / Aus gespenstischer Not, aus Nacht und Ketten / Auf ewig uns zum Licht zu retten* ‘Сильного героя, который должен

прийти, / от призрачной нужды, от ночи и цепей / спасти нас навечно навстречу свету» [5, S. 289]. В этом стихотворении ответственность за происходящее лежит на неизвестном другом. Возможно, именно поэтому с заходом солнца (образ, использованный знаменитым Г. Гауптманом) город снова погружается во тьму: *Im Stumpfheit lag die Stadt zurückgesunken: / Ein Schlackenhaufen, / Schwarz – und kalt – und tot* ‘Погрузился город снова в уныние: / куча отходов, / темно – и холодно – и мертво’ [5, с. 289]. Надежда на спасение умирает. Введение магического элемента в произведение нетипично для лирики натурализма и свидетельствует о переходном этапе лирики фридрихсхагенцев к искусству модерна с большим разнообразием художественных приемов.

Еще один яркий представитель Фридрихсхагенского круга поэтов Рихард Демель (Richard Dehmel, 1863–1920) в стихотворении «Predigt an die Großstadt» («Проповедь большому городу», 1901) рассматривает скорее не непосредственно город, а место человека в нем, соотношение человека и города. Поэт с тоской смотрит на «тучи людей» в городе, ведь, сливаясь с толпой, отдельный человек становится лишь малой частью большого: *Ja, die Großstadt macht klein* ‘Да, большой город делает тебя маленьким’ [5, S. 344]. Это также подтверждается через образ отца поэта, который ранее казался магом среди гигантов-деревьев в лесах, а среди горделивых стен становится лишь маленьким человеком (*Männchen*).

В то время как сам Р. Демель уже находится во Фридрихсхагене, он призывает и остальных людей (*ihr Tausende!*) выйти за стены и вернуться к природе, которая отождествляется здесь с деревьями: *Geht doch hinaus und seht die Bäume wachsen* ‘Выйдите же и посмотрите, как растут деревья!’ [5, S. 346]. Мы снова видим взгляд издалека и в случае Р. Демеля – взгляд сочувствия к городским жителям, которые слушают о желаемых равенстве и свободе лишь среди пивных испарений в кабаках (*dann aber krocht ihr in einen bezahlten Saal / und hörtet Worte durch Rauch und Bierdunst schallen / von Freiheit, Gleichheit und dergleichen* ‘однако потом вы ползете в оплаченные залы / и внимаете словам среди дыма и пивных испарений / о свободе, равенстве и тому подобном’ [5, с. 346]).

Берлин, как и во многих других стихотворениях лирики большого города, предстает огромным и дымным. Количество людей в нем достигает максимальной, на взгляд современников, плотности, такой, что сквозь людские массы едва видно солнце: *Ich sehe mit erstickter Sehnsucht / durch tausend Menschendünste zur Sonne auf* ‘Я смотрю с подавленной тоской / на солнце сквозь людскую мглу’ [5, с. 346].

Еще одним показательным произведением Фридрихсхагенского периода является стихотворение Карла Хенкеля (Karl Henckell, 1864–1929) «Berliner Abendbild» («Берлинский вечерний пейзаж», 1903), которое интересно тем, что в кулисах Берлина изображена не безликая толпа, а словно срез классового общества: *Kaufmann, Werkmann, Student, Soldat, / Bettler in Fetzen, Hure im Staat* ‘Купец, рабочий, студент, солдат, / нищий в лохмотьях,

блудница в нарядах' [5, S. 257]). Воссоздавая диалоги данных действующих лиц, К. Хенкель отображает незаинтересованность конкретных людей в судьбе ближнего, подчеркивая при этом отсутствие разницы между купцом и нищим. Поэт, однако, делает это без осуждения, а, наоборот, с веселым, задорным тоном: *Jahrmarkt des Lebens, so groß – so klein!* 'Рынок жизни, так велик – так мал!' [5, S. 257].

Основную проблему большого города, которая уже звучала у Р. Демеля, К. Хенкель постулирует еще в начале стихотворения: *Keine fragt, wer die and're sei, / Keine fragt dich nach Lust und Schmerz, / Keine horcht auf der andern Herz. / Keine sorgt, ob du krank und schwach, / Jede rennt dem Glücke nach* 'Никто не спрашивает, кто есть другой, / Никто не спрашивает о радости и боли, / Никто не слушает сердца другого. / Никого не волнует, болен ли ты или слаб, / Все бегут за счастьем' [5, S. 257]. Как видно, большая концентрация населения в городе, которая приводит к анонимизации людей как отдельных личностей, становится одним из основных мотивов лирики поэтов Фридрихсхагенского круга.

Обособленно от других поэтов стоит А. Хольц, который не прибегает непосредственно к изображению мегаполиса, а использует кулисы города как место, где разворачивается действие, и концентрируется на критике социального неравенства на городском фоне. В стихотворении «Ihr Dach stieß fast bis an die Sterne» («Их крыша почти достигла звезд», 1898) автор с первых строк выражает критику индустриальной промышленности и ее влияния на жизнь людей, вводя образ дома-казармы (*Mietskaserne*), чья крыша почти дотянулась до звезд и рядом с которым находится гроыхающая фабрика – уже известный нам элемент берлинского ландшафта.

Следующей проблемой, волнующей А. Хольца, становится распространяющаяся в больших городах и на производствах антисанитария: в подвале фабрики гнездятся разносчики болезней – крысы (*Im Keller nistete die Ratte* [3, S. 226]). Не обходится без характерной для лирики натурализма проблемы алкоголизма: поэт упоминает стоящие в подвале всевозможные виды алкоголя (*parterre gabs Branntwein, Grog und Bier* [3, S. 226]). Описав обстановку, Хольц обращается к образу молодого поэта и концентрируется на вопросах поэтического таланта и вдохновения.

Можно сделать вывод, что быстро сменяющаяся действительность ввиду индустриализации и технического прогресса не осталась незамеченной в культурной сфере. Особенно остро восприняли социальные изменения художники слова, имеющие отношение к новой столице Германской империи – Берлину. Образ Берлина в творчестве поэтов периода раннего модерна представляется в позитивном ключе, что в первую очередь связано с надеждой на обновленную жизнь и новые возможности в большом городе. Однако не соответствующая ожиданиям молодых поэтов реальность вынуждает их вернуться к истокам. Переехав во Фридрихсхаген и образовав там литературный круг, поэты не перестают обращаться к образу Берлина, но душевный подъем и надежда на будущее в их творчестве сменяются критикой социального строя, обстановки и поведения человека.

Новым в поэзии Фридрихсхагенских поэтов является часто отдаленная перспектива. Такое дистанцирование дает возможность более пристально охватить всю картину и более критично ее показать. Сам Берлин в большинстве стихотворений изображается довольно типично: отмечается его величина как ввысь (многоэтажные здания), так и вширь; подчеркивается невиданная до этого перенаселенность; основная цветовая гамма представлена темными, серыми цветами; повторяющиеся образы фабрик, коммунальных квартир и кирпичных стен во многом соответствовали действительности, что свидетельствует о продолжающейся традиции натурализма в творчестве поэтов Фридрихсхагенского круга.

Межличностные отношения в большом городе также становятся предметом обсуждения фридрихсхагенцев: в основном отмечаются анонимность отдельной личности на фоне коллектива, безразличие человека друг к другу и социальное неравенство. У некоторых поэтов появляются призывы покинуть стены города и вернуться на лоно природы, как это сделали фридрихсхагенцы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hart, J.* Friedrichshagen. Aus meinen Lebenserinnerungen / J. Hart // Friedrichshagen und seine Dichter. Arkadien in Preußen / G. de Bruyn. – Berlin: Morgenbuch Verl., 1992. – S. 173–189.
2. *Goranson, H.* Die moderne Großstadt in ausgewählten Werken der deutschen Lyriker (1979) / H. Goranson [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pdxscholar.library.pdx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3895&context=open_access_etds. – Дата доступа : 07.06.2020.
3. *Holz, A.* Das Buch der Zeit: Lieder eines Modernen / A. Holz; Hrsg. M. Hozinger. – Berlin: Berliner Ausgabe, 2013. – 248 S.
4. *Wieland, K.* Die deutschsprachige Lyrik der Frühen Moderne (1890-1930) / K. Wieland [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://journals.openedition.org/rg/976>. – Дата доступа : 08.07.2020.
5. *Schutte, J.* Einleitung / J. Schutte // Die Berliner Moderne / Hrsg. P. Sprengel. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1987. – 722 S.
6. *Bruyn, G.* Nachwort / G. Bruyn // Friedrichshagen und seine Dichter. Arkadien in Preußen / Hrsg. G. Bruyn. – Berlin: Morgenbuch Verl., 1992. – 279 S.
7. *Dehmel, R.* Aber die Liebe: Meine Verse / R. Dehmel; Hrsg. M. Hozinger. – Berlin: Berliner Ausgabe Verl., 2013. – 154 S.

The article provides the analysis of the image of Berlin in the lyrics of the poets of the Friedrichshagen circle. The escape of the poets from the big city increases their interest in this topic, which explains the big number of poems dedicated to Berlin. The article concludes that the image of Berlin in the work of poets of the Friedrichshagen circle is characterized by a transition from elation and hope for the future to the criticism of the social structure, environment and human behavior.

Поступила в редакцию 28.01.2021